

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУБЕЖА XIX–XX вв.

В. П. Корзун

Омский государственный университет

Складывание образов исторической науки связано с общим процессом внутренней легитимации, приобретения ею научной строгости. Вопреки утвердившимся в историографии представлениям данный процесс, как мы могли убедиться, детерминирован не только новыми философскими доктринами. Становление новой исследовательской парадигмы во многом предвосхищается на уровне конкретных научных исследований – практическая рефлексия как бы предшествует и сопутствует рефлексии общеметодологической – интеллектуально-очевидное переходит в научно-просященное.

Образ исторической науки складывается, проясняется, развивается (в значительной мере) в рамках неформального общения, межличностных коммуникаций, того, что ныне именуется историографическим бытом. Выбор «самобытного способа личностного бытия» выступает одной из предпосылок парадигмальных поисков, происходит своеобразное проецирование индивидуально-личностного в научное, что соответствовало уже сформировавшейся интеллектуальной традиции, рассматривающей проблемы сознания, в том числе и научного, в контексте целостной духовной жизни человека.

На интересующем нас этапе историография как научная дисциплина стала тем проблемным полем, в котором более отчетливо прописывался образ исторической науки, сам жанр историографического исследования задавал установку на ее целостное видение. Мы можем зафиксировать своеобразный историографический бум рубежа веков, который объясняется несколькими причинами. Во-первых, позитивизм заключал в себе мощный историко-научный пафос, и именно в рамках этой доктрины возрастает интерес к истории науки, причем внимание фиксируется не только на имманентных, но и социальных факторах ее развития. Во-вторых, это период ярко обозначившейся дифференциации и специализации исторической науки: многие вспомогательные исторические дисциплины постепенно приобретают статус самостоятельных. В-третьих, историческая наука переживает начинающуюся парадигмальную ломку, связанную с обозначившимися симптомами кризиса позитивистской доктрины

(«третья научная революция») и социальными условиями конца XIX в. Названные процессы объективно стимулировали историографическое осмысление.

Прежний картезианский идеал подвергается критике, формируется новый идеал научности, и строится новая неокантианская модель науки; конкурентная напряженность в научном сообществе в значительной степени была стимулирована именно этими обстоятельствами освоения нового методологического поля и соотнесения своего прежнего профессионального опыта с новой картиной мира и вызовами времени.

Внутренние тенденции развития исторической науки приводят к кризису некоторых положений старого позитивизма и актуализируют поиски нового образа науки, в котором проясняется специфика гуманитарного познания.

В начале XX в. в историографии все более выраженными становятся генерализирующие тенденции, связанные с новым этапом самосознания науки. В связи с этим особое внимание обращают на себя грандиозные исследовательские проекты, возникающие как междисциплинарные и свидетельствующие о первых шагах на пути смены индивидуального стиля работы коллективным.

Указанные факторы объективно провоцировали изменение конфигурации прежних научных школ вплоть до их разрыва и складывания сообществ нового типа.

Новый образ науки способствовал осознанию новых исследовательских программ, которые неизбежно конкурировали с прежними. Отражение этого напряженного процесса мы зафиксировали на примере судьбы петербургской исторической школы, в частности, на сложных взаимоотношениях между А. С. Лаппо-Данилевским и С. Ф. Платоновым.

Обратившись к петербургской школе, можно заметить, что присущий ей принцип научного реализма А. С. Лаппо-Данилевский применяет к анализу базовых оснований исторического исследования, а С. Ф. Платонов – к научной документированности при исследовании конкретного исторического процесса. Фиксируется различие и в понимании исторического источника, что отражало различные теоретические ориентиры авторов.

Школу А. С. Лаппо-Данилевского можно отнести к типу школ с координацией интеллектуально-творческих усилий на реализацию общей научной программы. Такой тип школы противоречил старому академизму. Разрабатывая междисциплинарную модель исторического исследования, «сильную версию» дисциплинарного самоопределения исторической науки и программу эпистемологического знания, А. С. Лаппо-Данилевский осознавал трудность и масштабность поставленных задач, требующих

принципиально иной формы организации науки, что с неизбежностью влекло за собой отход от привычных корпоративных ценностей. Два проекта видения исторической науки воплотились в различных типах школ – учебно-функциональной С. Ф. Платонова и проблемно-исследовательской («невидимый колледж») А. С. Лаппо-Данилевского.

Реконструируя историко-научные концепции отечественных историков, автор выделил концепции, построенные на основе позитивистской методологии (В. О. Ключевский, П. Н. Ардашев, П. Н. Милюков), и концепции, отражающие переход к неокантианской методологии (А. С. Лаппо-Данилевский).

Одной из существенных характеристик науки является представление о ее закономерности. Для позитивистского образа науки главным двигателем выступает метод исследования, и соответственно основная линия развития рассматривается как смена одной методологии другой. Для историко-научных концепций П. Н. Милюкова и П. Н. Ардашева характерным является внимание к смене методологических основ исторической науки. При этом П. Н. Ардашев делал акцент на имманентных факторах развития науки, П. Н. Милюков пытался совместить социальное и имманентное.

Развитие науки в рамках данной модели рассматривалось как процесс эволюционный и поступательно-прямолинейный, а социокультурная преемственность выступала как важнейшая характеристика научного развития. В лоне позитивистской традиции формируется образ науки по типу вавилонской башни, складываемой по кирпичикам.

Как представитель критического позитивизма, П. Н. Милюков, рассматривая тенденции развития науки, фиксирует скачки, перевороты, переломы и другие формы движения, противоречащие идее эволюции, говорит о прерывности историографической традиции. Такая постановка проблемы свидетельствовала о зарождении более сложного образа науки и сближала концепцию П. Н. Милюкова с историко-научной концепцией А. С. Лаппо-Данилевского, которому удалось представить науку как самостоятельный объект исследования.

Первоначально заданный позитивизмом историко-научный импульс способствовал складыванию науковедения и рассмотрению отечественной историографии как части истории науки. В ряду европейских отцов-основателей науковедения П. Таннери, П. Дюгема, Ф. Ментре, Ф. Даннемана мы можем с уверенностью назвать и имя А. С. Лаппо-Данилевского, который высказывает целый ряд новаторских идей в области истории науки, становится одним из участников и организаторов международных конгрессов, в рамках которых действовали специальные секции и подсекции по истории науки.

Важным источником переосмысления позитивистского представления о науке становится неокантианство, в рамках которого наука рассматривается как часть мирового целого. Человек реализует себя, свое сознание через творчество, он творец, создатель интеллектуального продукта, через него он и может быть познан другим человеком – постулат «признания чужой одушевленности». Высшей степенью целенаправленной, осознанной деятельности становится научное творчество, наука, вместе с ней – личность ученого. Новый образ науки ориентировал на преодоление наметившейся оппозиции внутренних и внешних факторов ее развития. Наука в концепции А. С. Лаппо-Данилевского рассматривается как единство логического и исторического.

Данную концепцию отличает более глубокое понимание социальности. Более того, историк фиксирует ее различные уровни, в частности, самоорганизацию академического профессионального сообщества, кооперацию научного труда с его разветвленной сетью коммуникации. Идея закономерности развития науки не устраняет случайности ее развития и коммуникативных сбросов. Чем сложнее, по А. С. Лаппо-Данилевскому, наука как система, тем более в ней содержится потенций вероятностного развития.

Тем не менее А. С. Лаппо-Данилевский в своей историко-научной концепции более эволюционист, чем П. Н. Милюков позитивист, но основания эволюции у них принципиально отличаются. У Лаппо-Данилевского на первый план выходит такая актуальная для неокантианства проблема, как социокультурные основания единства научного знания. С точки зрения логического развития науки процесс познания не прерывается.

Следующей значимой чертой образа науки является рефлексия ученых о связи исторической науки и культуры. В конце XIX в. русская историческая мысль испытывает влияние идей Лампрехта, связанных с преобразованием предметного поля истории как «культурной истории» и идей баденской школы неокантианства, где история была отнесена к классу наук о культуре, а также были поставлены проблемы специфики исторического познания. Эти два мощных культурологических подхода получили широкое распространение в русской историографии и сказались на построении двух оригинальных историко-научных концепций, в центре внимания которых оказалась проблема взаимовлияния культур, в том числе взаимодействия науки и культуры. Однако общие проблемы в рамках указанных проектов решались по-разному. Центральным ядром концепции П. Н. Милюкова выступала идея взаимодействия культур как диалога, в котором выделяется несколько стадий: прием чужой культуры (переводы), «инкубационный период», сопровождаемый компиляциями и подражаниями чужому; вполне самостоятельное развитие русского духовного

творчества и, наконец, переход в стадию «общения с миром как равноправное» и влияющее на чужие культуры. Данная модель распространилась историком и на русскую историографию, которая рассматривалась им как часть культуры.

В концепции Лаппо-Данилевского история исторической науки также рассматривается как часть культуры, но в качестве магистральной темы исследования выступает проблема интеллектуальной культуры как специфических интеллектуальных процедур, укорененных в национальную и религиозную традиции. В связи с этим иное наполнение получает и тезис о заимствовании культур – внимание исследователя направлено не столько на интенсивность этих процессов, сколько на понимание «абсолютной ценности» заимствованного. Неокантианство, актуализируя проблему понимания, приводит историка к рассмотрению истории как «великой индивидуальности»; в связи с этим особое место занимает проблема ценностей, в том числе и по отношению к науке. В своих конкретно-историографических работах А. С. Лаппо-Данилевский делает вывод, что для русской культурной традиции идеал образования и просвещения имел большую ценность, чем идеал поиска истины.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что появление новой методологической парадигмы не означает автоматической замены прежнего образа науки. Некоторые черты образа исторической науки остаются неизменными. К таковым мы можем отнести, к примеру, просветительскую компоненту профессиональной научной деятельности историков, осознание ими особой связи русского ученого с жизнью, для которого нет науки «вне жизни и без жизни». Его работа связывается с тем, что, по словам С. Ф. Ольденбурга, мы в России зовем «идеєю»: ученый является носителем главных качеств русской интеллигенции – образованности и нравственности. Данное обстоятельство лишней раз свидетельствует об укорененности образа науки в национальной культурной традиции. Замеченная устойчивость некоторых черт объясняется особенностью «бытия наукотворчества», профессиональным консерватизмом ремесла историка, оправданного длинным путем от гипотезы через поиск источника к завершеному труду и его презентации.

У историков рассматриваемого периода мы не встречаем термина «образ науки» (даже в период напряженных методологических поисков внутринаучной рефлексии здесь можно зафиксировать некоторое запаздывание), но отмечаем, что вырисовывается некоторое предметное поле исследования, связанное с выявлением этого образа науки, формулируются вопросы, значимые для понимания данной проблемы.